

Цзян Ехун заворожённо смотрел в фиолетовые глаза юноши. Невероятная, пугающая красота; стоило лишь раз заглянуть в этот пурпур, как казалось, будто проваливаешься в бескрайнее звездное море. Пытаясь подняться, Ехун задел ступнями острые камни на дне, и резкая боль пронзила всё тело. Спотыкаясь и скользя, он побрёл к берегу, но снова рухнул, подняв тучу брызг и перепачкав лицо грязной жижей.

Юноша тихо, почти неслышно усмехнулся. В этом смехе не было ни капли веселья, и Ехуну на мгновение показалось, что он ослышался. Мальчишка не знал, кто перед ним, но отчаянно хотел поскорее встать — чувство нестерпимого стыда захлестнуло его. Прежде, прося милостыню на улицах, он никогда не стыдился своей доли, но сейчас, под взглядом этого прекрасного создания, он вдруг почувствовал себя ничтожеством. Впрочем, кто он такой? Всего лишь нищий. Разве кому-то есть дело до достоинства бродяжки?

Сердце Ехуна сжалось от горечи, он бессильно стиснул кулаки. Вновь мелодично зазвенели серебряные колокольчики: пурпурноглазый юноша склонился над ним и протянул руку.

Светлячки кружили вокруг него, создавая ореол почти неземного сияния. Ехун не верил своим глазам. Тонкие пальцы, ладонь, белая, словно свежесвыпавший снег, и серебряный браслет на запястье, оттеняющий эту прозрачную бледность.

Мальчик приподнял свою руку, с которой тяжёлыми каплями стекала грязь. На воде расходились широкие круги. Он невольно сжал пальцы — он был слишком грязен. Весь, с головы до ног. Как он мог осквернить своим прикосновением эту безупречную чистоту?

От обиды на самого себя и на весь мир Ехун разрыдался. Слезы катились одна за другой, оставляя дорожки на замурзанных щеках. Незнакомец, кажется, не понимал причины этой истерики; он просто перехватил грязное запястье Ехуна и рывком поднял его из воды. В нос ударил странный, дурманящий аромат. Юный Ехун вздрогнул, чувствуя, как внутри всё замирает. Увидев, что на белую кожу юноши попала грязь, он испуганно забился, пытаясь вырваться.

— Не трогай... меня... — голос сорвался на хриплый шёпот. — Я слишком грязный.

Юноша разжал пальцы.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда. Жизнь даётся лишь раз, и она нелегка. В мире ещё столько прекрасного, чего ты не видел. Не стоит разбрасываться собственной душой.

Он говорил медленно, почти по-стариковски, хотя выглядел совсем молодым. Ехун заворожённо смотрел на своё запястье, где ещё чувствовался холод чужих пальцев, а затем — на ладонь незнакомца. Тот действительно испачкался. Неужели ему совсем не противно касаться нищего?

Юноша оставался спокоен, но его взгляд был мертвенно-тихим и веял могильным холодом. Он

снял с руки серебряный браслет и бросил его Ехуну.

— Возьми. За него дадут много денег. Ты ещё мал, тебе нужно хорошо питаться, чтобы вырасти.

Его голос на мгновение смягчился. Развернувшись, он скрылся в лесной чаще. Ехун долго смотрел ему вслед, пока последний светлячок не растаял во тьме. Всё это казалось лишь наваждением, призрачным сном, и только серебряный браслет, тускло мерцающий в траве, подтверждал: это было наяву.

— Старший брат Чу! Господин Чу!

Голос Жун Жо вырвал Чу Фэя из объятий сна. Ночь, полная тягучих видений, оставила после себя лишь усталость. Чу Фэй, не обуваясь, подошёл к двери и распахнул её.

— Что стряслось?

Жун Жо выглядел не просто встревоженным — он был бледен.

— Старший брат Чу, староста Ло Чуньчжи мёртв.

— Что?! — у Чу Фэя загудело в голове. Утро только началось, а неприятности уже посыпались градом.

Жун Жо скользнул взглядом по распахнутому вороту его рубахи и тут же опустил глаза, прикрыв их длинными ресницами.

— Брат Чу, вы...

Чу Фэй спохватился и судорожно запахнул одежду. Он мгновенно покраснел. Выскочил к гостю в чем мать родила, точно какой-то разбойник с большой дороги.

— Я... я сейчас... Подожди минуту, я оденусь.

Развернувшись, он с ужасом обнаружил, что штанина зацепилась, и пояс опасно сполз, обнажая живот. Перехватив взгляд Жун Жо, он окончательно сгорел со стыда. «Наверняка принял меня за какого-то бесстыдника», — обречённо подумал Чу Фэй, наспех натягивая вещи.

Когда он снова вышел на порог, Жун Жо посмотрел на его пояс и, поколебавшись, негромко произнёс:

— Брат Чу, вы его наизнанку повязали.

Чу Фэй опустил голову. Действительно, поясной зажим смотрел в другую сторону. Он покраснел до кончиков ушей. Он принялся судорожно перевязывать узел, но пальцы стали непослушными и деревянными. Такая простая задача превратилась в сущее мучение под пристальным взглядом напарника.

Жун Жо шагнул ближе и мягко перехватил концы ткани.

— Позвольте мне.

Он был на голову ниже Чу Фэя. Когда Жун Жо наклонился, стали видны его волосы — иссиня-чёрные, на вид мягкие и шелковистые. У Чу Фэя бешено заколотилось сердце.

Жун Жо привычным движением поправил широкий пояс. Его пальцы двигались легко и уверенно, словно приручая непокорную ткань. Проворно обернув её вокруг талии Чу Фэя, он завязал безупречный узел. На мгновение их взгляды встретились. Чу Фэй тут же отвёл глаза, не зная, куда деваться от охватившего его смутения.

— Идём... скорее... к старосте.

Он снова начал заикаться. Что с ним, в самом деле? Чу Фэй не понимал своей реакции, а Жун Жо лишь молча последовал за ним, и он едва заметно и загадочно улыбнулся.

Возле дома старосты уже собралась толпа. Селяне всю перешёптывались, многие смотрели с суеверным ужасом. Чу Фэй протиснулся сквозь людской заслон. Увиденное не оставило сомнений: староста Ло ушёл из жизни точно так же, как и старый глава клана. Яд гу. Сын покойного рыдал у кровати, не в силах остановиться. Чу Фэй заметил висящий на стене свиток с изображением летящей небожительницы.

— Почему эта картина здесь?

Сын старосты ответил сквозь рыдания:

— Вчера отец... ему стало любопытно. Он не верил, что глава клана умер из-за простого рисунка, и решил сам всё проверить. Послал меня к госпоже Лу, чтобы забрать свиток. Кто же знал...

Чу Фэй подошёл к картине и резким движением свернул её.

— Твой отец вчера пил? — Он указал на изящный нефритовый кувшинчик, стоящий на столике у изголовья.

— Да. С тех пор как глава Чжоу скончался, отец потерял покой. Он попросил меня подогреть лечебное вино на травах. У него была привычка выпивать чарку-другую перед сном.

«Вино — вещь хорошая», — хмуро подумал Чу Фэй. Все его любят. Но стоит выпить и взглянуть на эту проклятую девицу, как в мозгу начинают копошиться черви. При этой мысли ему самому показалось, будто внутри черепа что-то зашевелилось.

Чу Фэй сунул свиток под мышку.

— Всё, расходитесь! Здесь больше не на что смотреть.

В толпе стоял сгорбленный старик. Он не отрывал взгляда от картины.

— Проклятие... Это оно. Гао Цзылинь вернулся мстительным духом. Мы все умрём... — бормотал он себе под нос.

— Сюй-вэн, тише вы! Идёмте отсюда, — молодой парень подхватил старика под руку, пытаясь увести его прочь.

Чу Фэй мгновенно преградил им путь.

— Почтенный, что вы имеете в виду? О каком проклятии речь?

Сюй-вэн посмотрел на него выцветшими глазами.

— Та семья... Они пришли за расплатой.

— Сюй-вэн, пойдёмте. Нам ещё зерно в город везти, — юноша явно не хотел продолжать разговор и тянул старика за собой.

Чу Фэй понимал, что за этим кроется некая тайна. Он снова заступил им дорогу.

— Друг, ты же видишь — люди гибнут один за другим. Это убийство. Если вы что-то знаете, расскажите. Помогите остановить эту череду смертей, иначе следующей жертвой может стать кто угодно.

Юноша опасливо оглянулся на дом старосты и вздохнул.

— Ладно. Идите за мной.

Парня звали А-Лан. Крепко сбитый, с кожей цвета жжёной глины, он привёл их в свой дом и плотно закрыл дверь.

— Господа, то проклятие, о котором твердит старик, связано с домом на западном склоне горы. Там жил торговец сосновым маслом по имени Гао Цзылинь. Человек он был зажиточный, говорили, у него хранилась родовая реликвия — изумрудный цилинь, цена которому — целое состояние. Десять лет назад в нашей деревне нашлись те, кто польстился на это богатство.

— Решили пойти на преступление? — уточнил Чу Фэй.

А-Лан разлил воду по чашкам.

— Да. Но дело было не только в цилине. У Гао были три дочери, красавицы, каких свет не видывал. Они и стали главной целью для тех, кто зарился на чужое добро. Особенно усердствовали трое под предводительством Ли Фугуя. Похотливые твари... Получили по заслугам, туда им и дорога.

Чу Фэй невольно бросил взгляд на Жун Жо и тут же отвернулся.

— А при чём здесь проклятие, о котором говорил Сюй-вэн?

А-Лан горько усмехнулся:

— Теперь, когда ни главы клана, ни старосты нет в живых, мне бояться некого. Эти двое были сущими дьяволами в человеческом обличье.

Он заговорил быстрее, и голос его задрожал от гнева:

— Вы, господа, люди городские, не знаете наших порядков. В Деревне Девяти Семей всё просто: кто выше чином, тот и закон. У тех, кто стоит над нами, власть абсолютная. Прикажут — и жену, и дочь, и дом отдашь, и слова не пикнешь. Те двое старых выроdkов давно точили зубы на добро и дочерей Гао Цзылиня. Но Гао не был местным, на него их власть не распространялась. Тогда они решили действовать иначе. Когда девчонок обесчестили, Гао Цзылинь надломился. Заболел, слёг... И вот тогда эти двое решили прибрать к рукам всё, что он нажил.

Жун Жо слушал молча, не проронив ни слова, словно растворившись в тенях комнаты. Чу Фэй же едва сдерживал ярость.

— Я с первого взгляда понял, что эти двое — гнилые люди. Верно говорят: нутро всегда на лице проступает. Но послушай, А-Лан, десять лет назад тебе было от силы лет семь-восемь. Откуда тебе знать такие подробности?

А-Лан сжал кулаки.

— Мой отец вёл дела с Гао Цзылинем и водил дружбу со старостой. В тот год я подхватил чёрную оспу, уже одной ногой в могиле стоял. Это старик Гао поехал в город, привёз на свои деньги лекаря и вырвал меня из рук смерти. Отец всегда учил: за каплю добра плати рекой. Гао Цзылинь был человеком чести, праведником. Почему же с ним так обошлись?

Глаза парня покраснели. Было видно, что он искренне предан памяти своего спасителя.

— И как ты узнал об их планах?

— Перед тем как сёстры Гао исчезли, староста и глава пригласили Гао Цзылиня в деревню. Напоили до бесчувствия, и тот по пьяни проговорился о своих накоплениях. У этих иродов глаза кровью налились от жадности. А Чжоу Чжаотан — тот вообще на месте усидеть не мог. Прослышал, что изумрудный цилинь дарует долголетие, и совсем рассудок потерял. Они начали договариваться, как обчистить старика, а мой отец всё это подслушал.

Чу Фэй почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— И твой отец...

А-Лан со всей силы ударил по столу.

— Отец хотел предупредить господина Гао. Но эти звери... Они выследили его в горах и столкнули в пропасть.

<http://bllate.org/book/17428/1658346>